

Не в смирительной рубахе, но смиренный,
 Дернув ворот, что под петлями ослаб,
 Ты растерянно проходишь над геенной —
 Полу-ухарь, полу-нежить, полу-раб...

Пусть давно подперты кольями ворота,
 Пусть не брита эта сизая щека,
 Ничего тебе, родимый, неохота —
 И соседи это знают, и века...

Только ухарем «пройтица» по ухабу,
 Только выпятить чахоточную грудь,
 Только цыкнуть на испуганную бабу,
 Только сыто, после шкалика, икнуть...

Ну а следом и сама придет дремота,
 И приснится размалеванная суть.
 Ничего тебе, родимый, неохота —
 Только выпить да чужое умыкнуть...

Разве к истине бывает путь окольный,
 Хоть безумие и тьма со всех сторон?
 Но с давным-давно забытой колокольни
 Вдруг послышится небесный перезвон.

И почудится немислимое что-то
 В том, как плачет растревоженная медь...
 Ничего тебе, родимый, неохота —
 Лишь за все это сражаясь, умереть...

Хоть словом мучусь и дышу,
И мучусь снова,
Но то, что я тебе скажу —
Всего лишь слово.

Напрасно Господа молю,
Темно и пусто.
А то, что я тебя люблю —
Всего лишь чувство.

Густую капельку со лба
Смахну невольно.
А от того, что не судьба —
Всего лишь больно.

Мечталось, но не довелось,
Закрылась дверца...
А что в груди разорвалось —
Всего лишь сердце.

* * *

Тропинка-тростинка, вконец, заплутала во ржи...
Скажи мне, росинка, рассветное небо, скажи,
Что станет с душою, когда вознесется, спеша?
Что станет со мною, когда вознесется душа?
Какие моления подхватят ее на лету,
Придет ли прозренье, что принял я за слепоту?
Закончатся разом — и тело, и дело, и плоть...
Закончится разум... Закончится даже Господь...
И сон не приснится — он тоже куда-то исчез...
И птица-синица... И руки любимой... И лес...
Лишь голос, звучащий чуть слышно в такую пору,
Мне молвит: «Пропаций... Я — голос... Я тоже умру...
Сменюсь тишиною, что время крадет не спеша.
Но буду с тобою, когда вознесется душа...»

* * *

Позовите меня —
Я приду... И скажу... И заплачу...
Потому что дождит...
Потому что позвали меня.
Выпивохам раздам
эту скользкую, мокрую сдачу —
Пусть содвинут стаканы,
портвейном желудка черня.
И пойдет разговор...
Про погоду... Про деньги и женщин,

И слова не нужны —
Разве брэнность опишешь словами?
Да и кто их услышит —
напрасные эти слова,
Если август — на склоне,
Тяжелое солнце — над нами.
И о чем-то унылом
Прощально скрипят дерева?

Все труднее ступать —
И здоровье, и лето на склоне.
И все чудится — прежде
был август слегка голубей...
Что останется?.. Горечь...
Да женские эти ладони...
Да пугливая птаха
На узкой ладони твоей...

* * *

Этот рокот вселенский.
Мрачны небеса.
На душе пустота... Только снова
Белоснежным крылом ослепляет глаза
Птица русского слова.

А казалось — Батыи
Всех черных эпох
Закопытили ширь, затаптали.
Знали, слово — основа, за слово — под вздох,
Пусть подохнут в печали...

Только в келье строчил
Неизвестный монах
Книгу жизни, что зла и сурова.
Не за харч, не за славу... Чтoб взмыла сквозь страх
Птица русского слова.

Тяжелы были мысли...
И жить — тяжело.
Жалкий лучик пустив сквозь бойницы,
Солнце тысячи раз за деревья зашло...
Он писал, яснолицый...

Выцветали чернила,
Болело в груди.
Кровью харкал... Знал — нету другого.
И молился, и Бога просил — огради
Птицу русского слова...

Горизонт непонятным
Свеченьем объят.
На Руси, под гортанные крики,
Нынче русские русским по-русски велят
Знать другие языки...

* * *

Эту веру в надежду дает мне любовь —
Лживы все ипостаси иные.
Пусть любовь безнадежна... Пусть горестно вновь,
Пусть копытами бьют вороные...
Говорливые токи идут от земли,
Заставляя позвякивать блюда...
Все с любовью слежу, как летят журавли,
И с надеждою верю — вернутся.
Пусть пургою январь обжигает зрачок,
Пусть слова подтверждают потерю,
Я все верю с надеждой в провидчество строк,
И в любовь бесконечную верю.
Пусть мне небо велит: «Небу не прекословь,
Знай в любви осторожность и меру!..»
Но я верю в надежду...
Я верю в любовь...
И они возвращают мне веру...